

«Бесполезная работа»: критика капитализма в теории Д. Гребера*

Е. И. Наумова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Наумова Е. И. «Бесполезная работа»: критика капитализма в теории Д. Гребера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. С. 145–154. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.112>

Статья раскрывает тему появления бредовой работы как результата развития неолиберального капитализма. Автор концепции *bullshit jobs* американский антрополог и философ Д. Гребер ставит перед собой исследовательскую задачу разобраться, почему стремительное развитие техники привело к тому, что, вместо того, чтобы работать меньше, люди стали работать больше, и произошло это именно за счет создания новых должностей и работ, которые автор определяет как бредовые. Гребер представляет классификацию бредовых работ, из которой видно, что современный капитализм вопреки экономическому закону (минимизации издержек и максимизации прибыли) создает бесполезные рабочие места, где людям буквально платят за ничегонеделание. Термин *bullshit* происходит от слова *bull*, которое укоренено во французском *bole* (обман, мошенничество), что указывает на то, что *bullshit* / бредовые работы содержат в себе элемент притворства и обмана: человек, выполняющий бредовую работу, знает, что его работа бессмысленна и бесполезна, но вынужден делать вид (для себя и окружающих), что это не так. Гребер вскрывает моральное и психологическое насилие, укорененное в современной системе трудовых отношений, как проявление негативной сущности неолиберального устройства общества. В качестве «лекарства» от бесполезных работ Гребер предлагает инициативу введения безусловного базового дохода. В статье показано, что в социалистическом устройстве общества времен Советского Союза государственное обеспечение основных потребностей населения выполняло функцию безусловного базового дохода и доказан тезис о том, что в СССР бредовых работ не существовало.

Ключевые слова: Д. Гребер, труд, марксизм, неолиберализм, социализм.

В 2013 г. в политическом журнале “Strike!” вышло эссе “Bullshit jobs”, которое за две недели стало вирусным. Короткий текст, написанный американским антропологом Дэвидом Гребером (David Graeber), буквально за несколько дней был переведен более чем на десять языков, включая русский, перепечатан во множестве газет от Швейцарии до Австралии и снискал популярность у большого количества людей: «...они писали мне и просили совета или рассказывали, что я вдохновил их бросить свою работу, чтобы найти что-то более осмысленное» [1, с. 25]. Эффект ра-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации», № 22-28-00779. Руководитель: Соколов А. М., 2022–2023.

зорвавшейся бомбы, который произвело данное эссе, поразил самого автора и оказался неприятным откровением для руководителей большого количества отраслей, содержащих пул сотрудников и должностей, работа которых маркируются в тексте как бредовая, бессмысленная, бесполезная, но при этом вызвал живой отклик у тех, кто на таких должностях работает.

Как ученый Дэвид Гребер прозвучал в академическом мире двумя годами ранее, снискав и медийную популярность даже в России (небольшой сюжет на Russia Today), со своим трудом «Долг: первые 5000 лет истории» [2]. Эта книга примечательна тем, что представляет альтернативную — относительно либеральной и неолиберальной версии — философскую концепцию происхождения и развития капитализма. Гребер показывает, что зарождение капитализма и долга — вещи неразрывно связанные в истории, от морального долга происходит трансформация к исчислимому долгу, и со временем, все ближе к современной ситуации, долг наделяется атрибутом бесконечности как своим неотъемлемым спутником. Так, кризисный подход (циклический) в понимании капитализма дополняется долговым (линейным) подходом. Идея бесконечного долга позволила осмыслить общественные и внешнеполитические отношения современности в терминах экономики долга, в которой постоянно отодвигаемый собственный предел капитализма грозит его крахом.

Гребер видит губительное воздействие капитализма в том, что он вторгается в сферу морали и искажает ее: монетизация долга яркое тому подтверждение. От изначального морального способа функционирования долга («я тебе должен» — ценностный императив) человечество перешло к монетарному пониманию долга («я тебе должен» — экономический императив). От человеческих экономик мир перешел к монетарным экономикам через введение в оборот денежной системы обращения, которая подкреплялась государственным налогообложением: буквально, чтобы платить налоги люди вынуждены были переходить на денежную систему общения друг с другом, которая постепенно вытесняла честь, достоинство, мораль как основу межличностного взаимодействия и фундировала принцип пользы и экономической выгоды как новую ценностную доминанту. Переход осуществляется буквально от долга к *долгам*. История долгов и денег несет в себе единое начало. Гребер показал, что истоком происхождения капитализма является моральное насилие, которое прикрывается принципом рационального подсчета. Началом рационального отношения к миру являются безличные рынки (общение с чужаками), войны и государство. В связи с этим как отличительная примета времени формируется капиталистическая рациональность — отсутствие личных связей, базис для иного понимания мотивации человека, «радикальное упрощение мотивов, которое дало возможность говорить о таких понятиях, как “выгода” и “преимущество”, и позволило считать, что именно к этому люди стремятся во всех сферах своего существования» [2, с. 244]. В условиях капитализма нравственным становится вступать друг с другом в денежные отношения, а справедливость измеряется прибыльностью сделки.

В идейном смысле фундаментальный труд Гребера о долге и трансформации морали — это подготовка к философскому и антропологическому продумыванию и проработке актуальных форм развития капитализма и его влияния на жизнь общества. Именно «моральный аспект» капитализма является связующим звеном

работы Гребера о долге и бредовой работе. Получается, что так же как человеку привычнее в современном мире быть должным (а не быть в долгу), так и работать ему привычнее на нелюбимой, бредовой и бесполезной работе (компенсируя все это высокой зарплатой), чем заниматься осмысленным делом и получать от него удовольствие. В своем исследовании «Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда» Гребер осуществляет постановку следующих вопросов: «На индивидуальном уровне: почему люди соглашаются заниматься бредовой работой и терпят ее? На социальном и экономическом уровнях: какие силы более общего характера стали причиной увеличения количества бредовой работы? На культурном и политических уровнях: почему бредовизация экономики не считается социальной проблемой и почему никто ничего с этим не делает?» [1, с. 223].

Эссе Гребера «О феномене бесполезных работ» содержит мысль о том, что в 30-е годы XX столетия Джон М. Кейнс (John M. Keynes) сделал прогноз о таком развитии технологий, который позволит сократить рабочую неделю до пятнадцати часов. Парадокс заключается в том, что техническая возможность для этого появилась, только она так и осталась нереализованной, в противоположность этому технологии стали новым средством эксплуатации, принуждающим людей работать больше, а для достижения этой цели стало необходимо создание бессмысленных работ и должностей. Задолго до этого, в 1856 г., в речи, произнесенной на юбилей “The people’s paper”, Карл Маркс (Karl Marx) предсказал те противоречия технологического прогресса, с которыми мы сталкиваемся сейчас: «Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. <...> Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы. <...> ...этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт» [3, с. 4]. В данной речи Маркс делает ставку на рабочих («рабочие — такое же изобретение современности, как и сами машины» [3, с. 4]) как на ту силу, которая позволит преодолеть данный антагонизм. Однако Маркс, как, впрочем, и Кейнс, не мог предвидеть, что рабочий станет потребителем, что идея потребительства подчинит себе идею свободы. Представители Франкфуртской школы Т. Адорно (T. Adorno) и М. Хоркхаймер (M. Horkheimer), оказавшись в Америке в 1960-х годах, своими глазами увидели сытого рабочего индустриальной эпохи, который готов больше работать, чтобы больше потреблять. В связи с этим неомарксисты, в отличие от Маркса, перестали рассматривать пролетариат как потенциальную революционную силу и делали ставку на представителей других социальных страт (мигрантов, интеллектуалов и т. п.). Как отмечает Гребер, «в США и Великобритании начиная с 1910 по 2000 год численность работников, которые были заняты в сельском хозяйстве и промышленности, резко снижалась» [4, с. 151]. При этом «число менеджеров, клерков, специалистов и работников сферы продаж и услуг утроилось с одной до трех четвертей от общего числа занятых» [4, с. 151]. Гребер делает акцент на том, что не только сфера услуг стала занимать львиную долю рынка, но также наблюдается разрастание «административного сектора, сферы финансовых услуг и телемаркетинга, секторов корпоратив-

ного права, управления образованием и здравоохранением, персоналом и сферы общественных отношений» [4, с. 151]. Сотрудники всех этих отраслей плюс работники, которые обеспечивают техническую и административную поддержку этих сфер, представляют собой пул занятых на бесполезных работах.

Гребер предлагает нам следующее определение бредовой работы — «это настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так» [1, с. 43]. В данном определении мы можем заметить элемент субъективности, так как сам работник определяет свой труд как бессмысленный. Автор поясняет этот момент так: в неолиберальном капитализме труд измеряется рыночной стоимостью, однако в труде существует общественная ценность, которая к стоимости не сводится, при этом способа измерить общественную ценность труда пока не существует, именно в силу этого оценка работником своего труда может претендовать на адекватность. Свое исследование бредовых работ Гребер строил на основе большого количества писем, которые он получил от людей со всего мира как реакцию на его вирусное эссе, где они рассказывали о своих работах и почему считают их бредовыми. Так как текст антрополога вызвал широкой общественный резонанс, то этой темой заинтересовались и опросные агентства Британии и Европы. Они провели опрос населения, используя следующие формулировки из эссе Гребера: считают ли люди свою работу полезной для общества и мира? Уверены ли они, что их работа должна существовать? Результаты показали, что 37 % трудящихся в Великобритании и 40 % в Голландии не считают свою работу полезной и нужной, тогда как 30 % опрошенных затруднились с ответом, и только 50 % людей ответили на поставленные вопросы утвердительно. Статистика показывает, что почти 68 % людей считают свою работу бесполезной или не знают, каким трудом и почему они заняты [1, с. 27].

Антрополог Гребер видит здесь глубинную проблему современности, которая выводит нас на уровень морали и смещения представления о морали в неолиберальной экономике. Автор использует в своем труде термин *bullshit jobs*, отмечая, что он происходит от слова *bull*, изначально происходящего от во французском *bole*, которое переводится как «обман, мошенничество», а само понятие *bullshitting* означает форму нечестности, которую нельзя назвать ложью. Разница между ложью и *bullshitting*’ом такая же, как между убийством и непреднамеренным убийством: первое — это намеренный обман, второе — беспечное пренебрежение правдой. В этом отношении смысл *bullshit jobs* заключается в том, что человек в глубине души считает свою работу бессмысленной и бредовой, но при этом вынужден делать вид, что это не так, и более того, понимая все это, он продолжает выполнять эту работу. Вопрос, которым задается Гребер в связи с этим, довольно прост: почему так происходит? Нередко мотивацией для беспечного пренебрежения правдой о сущности своей работы служит высокая оплата за нее. Так, в современном неолиберальном капитализме господствует следующая тенденция: чем более труд осмыслен и чем более он несет в себе общественную полезность, тем менее он оплачиваем, а чем более бредовой работой ты занимаешься, тем выше твоя зарплата. Ключевой вывод заключается в том, что современная экономика не является экономной. Вопреки ключевому рыночному закону, который стремится минимизировать издержки и максимизировать прибыль, современный неолиберальный капитализм может

себе позволить содержать штат ненужных сотрудников, которым платят большие зарплаты за ничегонеделание. Гребер считает, что исследование феномена бредовых работ может привести нас к обнаружению более глубоких, экзистенциальных проблем современного общества. Необходимо задуматься, почему большинство людей верит, что работать на бредовой работе — это нормально, неизбежно и в чем-то даже желательно, а также считают справедливым, что бесполезная работа высоко оплачивается, и принимают мысль о том, что человек, занимающийся тем, что считает полезным, получает намного меньше, ведь он и так занимается любимым делом, а если бы он на этом еще и зарабатывал — это было бы уже слишком. Гребер задается вопросом: «Не впадают ли они тогда сами в депрессию и отчаяние, если занимают должности, где им платят за то, что они ничего не делают или не делают ничего, что считали бы полезным для других людей?» [1, с. 30].

В своем исследовании Гребер предлагает нам классификацию бредовых работ по следующим категориям. *Надсмотрщики* — это так называемые фиктивные руководители, ненужные начальники, от отсутствия которых работа предприятия никак не пострадает. К ним можно отнести такие должности, как главный директор по маркетингу, генеральный директор, главный финансовый директор и т. п. *Костыльщики* — это должности, которые нужны, если случился какой-то сбой в работе; люди, их занимающие, исправляют ошибки и недочеты в работе других, большую часть рабочего времени они ничем не заняты. *Шестерки* — это широкой пул секретарей, личных помощников, так называемая свита, которая необходима для поддержания статуса руководителя и компании. *Галочки* — должности, которые нужны для галочки, чтобы организация могла существовать, они не несут в себе никакого функционального смысла. В этот разряд можно отнести все должности из индустрии нормативов корпоративного соответствия. *Головорезы* — сотрудники, которые выполняют работу, связанную с агрессивным воздействием на клиента или его психологической обработкой. Сюда можно отнести агентов по телефонным продажам, лоббистов, коллекторов, корпоративных юристов и т. п. [1, с. 66–104]. В теории Гребера данная классификация бредовых работ объединяется под общим названием феодализма менеджериального типа, который описывает современный рынок труда, где господствует принцип иерархии, наследуемый из феодальной эпохи, при том, что данная иерархия не несет в себе никакого функционального смысла, кроме обеспечения основы для разветвленного древа бредовых работ.

Проблема современного европейского и российского мира заключается в том, что бредовая работа — это такой феномен, который общество предпочитает не замечать. Мы не встречаем широкого круга научных исследований по данному вопросу, не видим политических активистов, которые бы выступали против бесполезной работы. Стоит отметить, что большая часть людей не считает бессмысленную работу в принципе проблемой. Для Гребера выходом из порочного круга бредовых работ является введение безусловного базового дохода. Безусловный базовый доход предоставляет человеку гарантированный экономический минимум для жизни, тем самым закрывая базовые потребности человека и давая ему возможность заниматься тем делом, которое он считает полезным, не боясь остаться без гроша в кармане. Инициатива безусловного базового дохода традиционно ассоциируется с социалистическим движением, которое представляет собой аль-

тернативу капитализму, а ее идейное основание трактуется как капиталистический путь к социализму. Необходимо отметить, что Гребер довольно часто в своей книге апеллирует к СССР в попытках показать, что бредовая работа существовала и в советском обществе. И в этом моменте с Гребером можно довольно серьезно поспорить. Наша идея заключается в том, что то, что американский антрополог называет безусловным базовым доходом и трактует как возможный выход из-под гнета эксплуатационных тенденций неolibерального капитализма, имело место в Советском Союзе в виде государственного обеспечения базовых потребностей людей, именно поэтому в Советском Союзе не существовало бредовых работ.

В исследовании Гребера встречается повторяющаяся мысль о том, что бредовые работы в большом количестве специально создавались в СССР. И этот факт он объясняет советской идеологией: тем, что у трудящегося народа мало вопросов к государству и много веры в светлое будущее страны, а полная занятость населения — это залог стабильности власти. Однако позволим себе не согласиться с Гребером. В какой-то мере он транслирует типичный взгляд европейца или американца на Россию, с искажениями и заблуждениями о нашей стране. Наш тезис заключается в том, что идея безусловного базового дохода, которую развивает Гребер в своей книге, имела свою практическую реализацию в СССР. Ведь бесплатное среднее и высшее образование, гарантированное трудоустройство после получения профессии, обеспечение сотрудников предприятий жильем (расширение площади жилья в случае пополнения в семье), бесплатные детские сады и т. п. — это не что иное, как безусловный базовый доход. Именно наличие этих вещей давало человеку ощущение стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Человеку не приходилось думать с юных лет, как ему заработать на образование, где взять деньги на оплату съемного жилья, куда он пойдет работать, когда получит профессию, — это все то, что создает ощущение тревоги и неопределенного будущего у нынешнего поколения, и в том числе толкает на то, чтобы работать на бредовых работах.

Идея о том, что в СССР буквально «придумывали» рабочие места, чтобы занять людей, представляется определенным искажением в рассуждениях Гребера. Известно, что в СССР были грандиозные стройки, стремительное развитие промышленности и работы было настолько много, что попросту не хватало рабочих рук. В силу того, что развитие автоматизации было на низком уровне, рабочие профессии были просто необходимы. При этом советский рынок труда не состоял исключительно из рабочих профессий. В СССР были широко распространены и ценились интеллектуальные профессии — преподаватели, ученые, архитекторы, конструктора, также работники квалифицированного труда — технологи, учителя, врачи и творческая интеллигенция [5]. Особое место в ряде профессий занимали инженеры [6, с. 75]. Знания инженера позволяли ему осуществлять как техническую, так и научную деятельность. Согласно статистике, к 1950 г. дипломированные инженеры в числе специалистов с высшим образованием составляли 27, 8 %, уже к 1960 г. этот показатель достиг 32 %, а к 1973 г. — 37,6 % [7, с. 75].

В Советском Союзе существовала отдельная отрасль знания, которая определялась как промышленная социология. Данная область изучала специфику человеческих отношений в рамках производственных отношений, особое внимание советские исследователи уделяли темам экономического и трудового поведения рабочих, при этом вопрос об отношении человека к своей работе и тру-

довой мотивации рассматривался как один из ключевых. Советский обществовед С. Г. Подмарков¹, заложивший основы деятельностного подхода, развивал такое направление, как социология профессии. Профессия мыслилась как нечто неотчуждаемое от самого работника, как приобретенная идентичность, как форма признания в рамках общественного разделения труда. С. Г. Подмарков разрабатывал понятие «престиж» профессии, престижность профессии определялась через фактор *содержания* труда и отношение рабочего к этому содержанию. Категория содержания труда понималась и как наличие творческой составляющей в работе в качестве определяющего фактора [8]. В сочинении «Человек и его работа» [9] отмечено, что содержание труда в среде рабочих оценивалось значительно выше и имело большее значение, чем заработная плата и ее уровень. Важно отметить, что отношение к содержанию труда рассматривалось сквозь призму таких категорий, как образование, пол, возраст. Известные советские социологи А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов также рассматривали труд как средство утверждения человеческой личности: «...содержание труда, творческие возможности работы являются ведущими специфическими факторами, которые определяют отношение рабочего к труду преимущественно или как к потребности личности, или как к средству существования» [9, с. 28]. Крупнейший советский психолог С. Л. Рубинштейн писал о том, что побудительной силой для трудовой деятельности является ее идейное содержание. Мотивация к трудовой деятельности в плане идеи зависела от совокупности различных социальных условий, от мировоззрения трудящегося, от образования и внутренних убеждений [10, с. 265–266]. Дополнительным немаловажным фактором является то, что приоритет содержания труда как трудовой мотивации был обеспечен в частности за счет установления усредненной, но довольно высокой заработной платы, при этом отличия в уровне заработной платы между рабочими профессиями, инженерно-техническими специальностями, куда включались и руководители отраслей, и работниками умственного труда были минимальны [7, с. 75–76].

В социалистическом мире рабочие профессии и профессии умственного труда имели один порядок оплаты. Не существовало такого колоссального разрыва (противопоставления) между работником физического труда и интеллектуального, который мы встречаем сегодня в условиях неолиберального капитализма. Очевидно, что в современной капиталистической реальности рабочие профессии совсем не популярны и зачастую низкооплачиваемы, тогда как в СССР быть рабочим и профессором в университете было одинаково престижно. Важно, что ключевую роль в трудовой деятельности играло ее содержание: люди понимали, что именно они делали и каков результат их труда. Они не находились в таком тотальном отчуждении от процесса труда и его результатов, как мы это видим в современном капитализме. Результативность труда на производствах поддерживалась модной тогда идеей социалистического соревнования (вместо жесткой капиталистической конкуренции), которое делало труд осмысленным, состязательным, что при этом находило подкрепление и в заработной плате, и в премиях. Да, труд был героизирован, люди труда были примером для подражания, на них каждый хотел равняться — так

¹ Валентин Георгиевич Подмарков — значимая фигура в истории становления промышленной социологии в Советском Союзе, доктор философских наук, крупный ученый и организатор социологических центров на промышленных предприятиях.

и что в этом плохого? Это была не чистая манипулятивная игра со стороны идеологии по отношению к народу, а реальная причастность каждого трудящегося к процессу труда, и осязаемый результат труда, и понимание его общественно значимой ценности. Шарашки, НИИ, закрытые научные городки — что это как не организация безусловного базового дохода для возможности заниматься творчеством, наукой — изобретением нового? Каждый, от токаря до директора в НИИ, чувствовал свою причастность к результату труда: к первому полету в космос, к созданию прототипа персонального компьютера (ЭВМ «ЛИТМО-1»), к закладыванию основ мобильной связи (НИИ «Электроника», 1959 г.) и интернета (когерентное излучение, 1962 г.), атомного реактора и атомной бомбы. Именно подобного рода неотчужденный труд и дает нам основание говорить о том, что в СССР не было бредовых работ.

Помимо примера СССР можно обратиться к скандинавской модели социализма (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания), которая довольно успешно соединила в себе социалистические и капиталистические аспекты и до недавнего времени представляла довольно удачный пример «социального государства», где люди жили в покое и доверии друг к другу. Швеция, за счет высоких налогов и их перераспределения, Норвегия, за счет перераспределения доходов с продажи нефти, — обе эти страны обеспечивали для населения своеобразный базовый доход и установили систему равных трудовых доходов. Воплощая концепцию «народного дома» с усредненным уровнем жизни, страны североевропейской социальной модели доказали свою выживаемость и адаптивность к новым условиям развития экономики в 1980-х годах, когда весь мир предвещал им крах, при этом сохранив тенденцию к социальной ориентированности своей политики. Однако в последнее время мы видим усиление националистических настроений в этих странах из-за активной миграционной политики [11, с. 71], навязанной этим странам Евросоюзом, так называемой политики открытости. «Правый поворот» [11, с. 73] (17,4 % партия «Шведские демократы» набрала на выборах в 2018 г.) является разрушительным для скандинавской модели социализма со стороны неоллиберального капитализма. Так, на момент 2020–2021 гг. уровень безработицы в Швеции увеличился до 9,1–9,6 %, самый высокий уровень мы наблюдаем среди молодежи (13,1–25 %). В связи с этим эксперты рынка труда советуют всем потенциальным безработным соглашаться на те предложения, которые есть в наличии. В какой-то мере такая постановка вопроса и толкает людей к выбору бредовой работы. Ведь когда не под человека создается рабочее место, а сам человек вынужден хвататься за первое попавшееся место на рынке труда, то где гарантия, что его работа не окажется бредом?

Таким образом, мы высветили и поставили в качестве проблемы феномен бесполезных работ в рамках развития современных неоллиберальных экономик. Данная проблема релевантна как для европейского и американского мира, так и для российского. Многие люди в детстве и юности мечтают стать музыкантами (звездами), поэтами, писателями, художниками, космонавтами, учеными, изобретателями, инженерами, врачами, учителями, архитекторами, священниками, археологами, генетиками, но проходят годы, и они становятся координаторами портфолио, арт-менеджерами, системными администраторами, финансовыми координаторами проектов, разработчиками чат-ботов, хостес, валютными трейдерами,

GR-менеджерами (government relations), копирайтерами, гейм-аналитиками, дизайнерами интерфейсов, операторами колл-центров, ипотечными брокерами, пиарщиками и т. п. Но является ли данный тип работ осмысленным и полезным, и нужны ли эти работы людям? Вот в чем ключевой вопрос современности.

Литература

1. Гребер, Д. (2020), *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*, М.: Ад Маргинем Пресс.
2. Гребер, Д. (2015), *Долг: Первые 5000 лет истории*, М.: Ад Маргинем Пресс.
3. Маркс, К. (1958), Речь на юбилее «The People's Paper», в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., *Сочинения*, т. 12, М.: Государственное изд-во политической литературы, с. 3–5.
4. Гребер, Д. (2015), О феномене бесполезных работ, *Фрагменты анархистской антропологии*, М.: Радикальная теория и практика.
5. Бляхман, Л. С. и Шкаратан, О. И. (1973), *НТР, рабочий класс, интеллигенция*, М.: Политиздат.
6. Невская, Л. В. (1971), *Социальный образ инженера*, Пермь: Пермское книжное изд-во.
7. Кутель, С. А. и Никандров, О. В. (1971), *Молодые инженеры*, М.: Мысль.
8. Подмарков, В. Г. (2001), Современная «социологическая теория организации» и проблема труда, *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 1, с. 175–189.
9. Здравомыслов, А. Г. и Ядов, В. А. (2003), *Человек и его работа в СССР и после: учеб. пособие, 2-е изд.*, М.: Аспект Пресс.
10. Рубинштейн, С. Л. (1957), *Бытие и сознание*, М.: Изд-во Академии наук СССР.
11. Плевако, Н. С. (2018), Выборы в Швеции: Шведские демократы смешали карты, *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*, № 5, с. 71–75.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 29 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Наумова Екатерина Игоревна — д-р филос. наук, проф.; e.naumova@spbu.ru

“Bullshit Job”: The Critic of Capitalism in D. Graeber’s Theory*

E. I. Naumova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Naumova E. I. “Bullshit Job”: The Critic of Capitalism in D. Graeber’s Theory. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 1, pp. 145–154. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.112> (In Russian)

The article is on the theme of the emergence of nonsensical job as a result of the Neoliberal Capitalism development. American anthropologist D. Graeber, the author of the conception of ‘bullshit jobs’, decided to solve the scholarly problem: why the fast-moving technical development run to the situation, when people start to work more instead to work less. It happens because the new nonsensical posts and jobs are built. Graeber proposes the ‘bullshit job’s classification showing that the contemporary capitalism creates the useless working place and pays people for doing nothing contrary to the economical law (minimization of costs and

* The article was prepared with the support of Russian Scientific Foundation (RSF) grant “Sovereignty and sovereign: logic and antinomies of global civilization”, no. 22-28-00779. Head: Sokolov A. M., 2022–2023.

maximization of profit). The term 'bullshit' resulted from the word 'bull' which is rooted in French 'bole' (illusion, swindle). This fact shows that 'bullshit jobs' consist of an illusion and fraud: the person, doing some 'bullshit job', knows that his/her work is nonsensical and useless but he/she have to make a show (for himself and other people) that this is not the case. Graeber comes to the light that moral and psychical violence are rooted in contemporary labour relationships and it is shown the negative essence of the Neoliberal society. Graeber offers the initiative of the Universal Basic Income as the 'medicine' from 'bullshit jobs'. Article shows that the governmental protection of the basic human needs operates as the Universal Basic Income in Socialist society. There were no 'bullshit jobs' in the U.S.S.R.

Keywords: D. Graeber, labour, Marxism, Neoliberalism, Socialism.

References

1. Graeber, D. (2020), *Bullshit job. Treatise about the bullshit labor spread*, Moscow: Ad Marginem Press Publ. (In Russian)
2. Graeber, D. (2015), *Debt: The First 5000 Years*, Moscow: Ad Marginem Press Publ. (In Russian)
3. Marx, K. (1958), Speech at the anniversary of the "People's Paper", in: Marx, K. and Engels, F., *Collected works, vol. 12*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., pp. 3–5. (In Russian)
4. Graeber, D. (2015), *On the Phenomenon of Bullshit Jobs*, Fragments of the anarchist anthropology, Moscow: Radikal'naiia teoriia i praktika Publ. (In Russian)
5. Bliahman, L. S. and Skaratan, O. I. (1973), *NTR, Working class, Intelligentsia*, Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
6. Nevskaya, L. V. (1971), *Social Image of Engineer*, Perm: Permskoe knizhnoe. izdatel'stvo Publ. (In Russian)
7. Kugel S. A., Nikandrov O. V. (1971), *Young Engineers*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
8. Podmarkov, V. G. (2001), Contemporary "sociological theory of organization" and problem of labor, *Sotsiologiya: teoriia, metody, marketing*, no. 1, pp. 175–189. (In Russian)
9. Zdravomislov, A. G. and Iadov, V. A. (2003), *The Man and His Work in USSR and after: Textbook*, 2nd ed., Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)
10. Rybinstein, S. L. (1957), *Existence and Consciousness*, Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ. (In Russian)
11. Plevako, N. S. (2018), Elections in Sweden: Swedish Democrats mixed cards, *Nauchno-analiticheskii Vestnik IE RAN*, no. 5, pp. 71–75. (In Russian)

Received: September 5, 2023

Accepted: November 29, 2023

Author's information:

Ekaterina I. Naumova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; e.naumova@spbu.ru